

— Фан Сынун!

— Фан Сынун!

— Братец Фан!

Когда к Фан Сынуну вернулось сознание, первое, что он увидел, был стоящий на пороге дома Юй Цюся, который громко звал его по имени. Где-то позади него маячил Пу Тяньбай.

Он тупо уставился на них, не в силах сообразить, что происходит. Затем медленно опустил взгляд, осматривая собственные ладони, грудь, ноги... Всё было залито чужой багровой кровью, но тело, кажется, осталось целым.

«Я жив?»

Только теперь до него начал доходить этот очевидный факт.

«Но почему? Как я уцелел?»

«Неужели этот Монстр решил проявить милосердие?»

Сынун потерял счёт времени. В следующее мгновение прямо перед ним, точно возникнув из ниоткуда, вырос Пу Тяньбай.

Тот продолжал что-то кричать, но Юй Цюся резко схватил парня за плечо, оттаскивая назад.

— Не трогай его! — Юй Цюся выглядел пугающе собранным, как во время сложнейших дублей на съёмочной площадке. — Не смей прикасаться к этой крови!

Он выволок младшего наружу и велел немедленно раздобыть чистую воду, полотенца и сменную одежду. Пу Тяньбай заикнулся было, что у него нет ни гроша, но тут подал голос Хуа Тяньсяо, вызвавшись заплатить. Вдвоём они быстро скрылись за углом.

Юй Цюся вернулся в комнату и негромко спросил:

— Встать сможешь?

Сынун заторможенно уставился на него. Онемевший мозг с трудом переваривал простые слова. Попытка подняться провалилась: колени подкашивались, а запекшаяся жижа под ногами была слишком скользкой. Провозившись несколько минут, он всё же сумел подняться, покачиваясь, точно пьяный.

Всё это время Юй Цюся молча наблюдал за его жалкими усилиями с порога. Лишь когда Сынун наконец обрёл относительное равновесие, он коротко бросил:

— Выходи.

Сынун сделал шаг вперёд, едва волоча ноги.

В голове гудело, в ушах стоял тонкий, навязчивый звон. Едва он переступил порог, яркий солнечный свет полоснул по глазам. Земля ушла из-под ног, и он удержался лишь благодаря тому, что успел вцепиться в растрескавшийся деревянный косяк. Пришлось постоять так некоторое время, тяжело дыша, пока зрение не прояснилось.

Юй Цюся отвёл его в тень и усадил на невысокий каменный столбик, а сам устроился поодаль, шагах в пяти.

Они сидели друг напротив друга, погружённые в тяжёлое, вязкое молчание.

— Я бросился в погоню... и только на полпути понял, что бегу за этим Монстром. Но он двигался слишком быстро. Я упустил его.

Сынун снова провалился в забытие. Сколько прошло минут, он не знал. Налипшая на тело кровь давно остыла, и порыв прохладного сквозняка заставил его мелко задрожать. В этот момент сквозь пелену оцепенения донёсся хриплый, надтреснутый голос Юй Цюся.

Кадык Сынуна дёрнулся, но из пересохшего горла не вылетело ни звука. Он повернул голову. Юй Цюся сидел, тесно сжав колени, — на удивление послушная, почти детская поза. Каменный столбик был слишком низким для его роста: длинные ноги пришлось нелепо подогнуть, так что колени упирались едва ли не в грудь. Казалось, он пытался сжаться, спрятаться от всего мира. Одной рукой он обхватил лодыжку, другую прижал ко лбу. На тыльной стороне ладони вздулись синеватые вены, напоминая лепестки распустившегося лотоса.

Застыв в этой позе — позе человека, загнанного в тупик и балансирующего на грани безумия, — он глухо произнес:

— Всё обойдётся, Фан Сынун. Не бойся.

Сынун прекрасно понимал, что это ложь. И всё же эти слова принесли ему странное облегчение. Он уже сбился со счёта, сколько раз благодарил судьбу за то, что в свои восемнадцать лет не сумел свести счёты с жизнью — ведь иначе он никогда бы не встретил Юй Цюся.

Если взглянуть на это с такой стороны, все последующие годы были лишь украденным у

смерти подарком. Грех жаловаться.

Спустя некоторое время тишину нарушил шорох шагов — вернулись Пу Тяньбай и Хуа Тяньсяо.

Юй Цюся поднялся навстречу, забрал у них вещи и молча опустил перед Сынуном упаковку минералки, чистые полотенца и дешёвый комплект одежды.

— Приведи себя в порядок. Вытрись хорошенько.

Выставив помощников за пределы переулочка, Юй Цюся сам встал у глухого угла, прислонившись спиной к облупившемуся бетонному столбу.

Сынун щедро плеснул минералки на полотенце и принялся оттирать кожу. Руки крупно дрожали. Его не покидала кристально ясная мысль: он труп.

В комнате Цинь Фэй нашли всего лишь жалкий окровавленный лоскут ткани размером с ладонь, а саму девушку разорвало на куски. На нём же сейчас столько запекшейся крови, что этого хватит на десяток, а то и на два десятка смертей.

Странно. Он ведь никогда не боялся смерти. В восемнадцать он шёл к ней осознанно, с холодной головой. Почему же теперь его колотит мелкая, позорная дрожь?

Наверное, дело было не в самом конце пути. Им владел первобытный, липкий ужас перед ощущением чужой крови и липкой плоти на собственной коже, перед той жуткой, лишённой всего человеческого мордой Монстра, стоявшей перед глазами.

Белая ткань мгновенно пропиталась грязно-бурой жижой и пришла в негодность. К счастью, Пу Тяньбай проявил сообразительность и взял полотенца с запасом, хотя даже этого количества явно не хватало, чтобы очистить кожу.

Впав в глухое оцепенение, Сынун ощущал себя так, словно его сознание отделилось от тела и парило где-то под потолком. Остатки стыдливости давно испарились. Не раздумывая, он сбросил грязное тряпье, опустился на корточки и принялся одну за другой выливать на голову бутылки с водой.

Ледяные струи стекали по лицу, смывая багровую грязь. Когда вода у его ног наконец побежала прозрачной, он снова скосил глаза в сторону. Там, на периферии размытого зрения, у столба стоял Юй Цюся. Профиль его казался невероятно изящным, почти нереальным; на фоне облупившейся грязно-жёлтой стены бледная кожа светилась изнутри, делая его лицо полупрозрачным. Солнечные лучи, запутавшись в светлых волосах, отливали мягким золотистым блеском, похожим на драгоценное руно. Среди этих убогих серых развалин он казался неземным эльфом.

Сынун не мог не признать: когда-то этот прекрасный дух любил его. И пускай то время безвозвратно ушло, сейчас, на пороге бездны, ему чертовски сильно хотелось жить.

Опустошив последнюю бутылку, Сынун насухо вытерся, натянул свежие вещи и вышел из проулка.

И всё равно ему чудилось, будто от него исходит тяжёлый, удушливый запах скотобойни, от которого невозможно отмыться.

Юй Цюся повернул к нему голову:

— Всё?

Сынун едва заметно кивнул. Тело всё ещё сотрясала крупная дрожь от ледяной воды, но сознание наконец прояснилось, вернув его в суровую реальность.

Худшее, что могло произойти, уже случилось, и раскисать не было смысла. Сейчас следовало сосредоточиться на поиске улики, чтобы Юй Цюся смог выбраться из этого кошмара как можно скорее.

Что поделать — за свою недолгую жизнь Фан Сынун привык к подобным ударам судьбы. Баловнем фортуны он никогда не был.

— Братец Фан, — Пу Тяньбай, сидевший на полуразрушенном каменном заборе чуть поодаль, поднялся на ноги. Он явно хотел что-то сказать, но в последний момент осёкся. Хуа Тяньсяо, сидевший рядом с ним, тоже встал и с недоумением огляделся по сторонам:

— Да что стряслось-то? Случилось что-то серьёзное?

— Возвращаемся, — сухо бросил Юй Цюся. — Нужно собрать оставшиеся зацепки и закончить спектакль сегодня же.

Сынун полностью взял себя в руки. По дороге назад он принялся пересказывать Юй Цюся то, что успел выведать у безумного старика.

Он в подробностях описал всё, что увидел и услышал в той лачуге, а под конец поделился своими соображениями:

— Судя по словам старика, этого Монстра породил Ху Бай. И он как-то связан с той аварией.

— Да ладно! — не удержался от комментария Пу Тяньбай. Он приложил ладонь к своей груди,

показывая рост гипотетического родителя. — Ху Бай же совсем крошечный. Как такой заморыш мог родить такого огромного Монстра?

— Он действительно огромный. И жуткий, — Сынуна передёрнуло от нахлынувших воспоминаний. — До сих пор не понимаю, как остался цел. Думал, унесу эти тайны с собой в могилу...

— Ты не умрёшь, — резко перебил его Юй Цюся, хранивший молчание на протяжении всего пути. Голос его сквозил такой ледяной яростью, что мороз шёл по коже.

— Если мы выберемся сегодня, ты останешься жив, — пробормотал он, словно в бреду, а затем добавил: — Помолчи. Не сбивай меня с мысли.

Осознав, что сорвался, Юй Цюся попытался сгладить неловкость. Он повернулся и потянулся к ладони Сынуна:

— Не бойся, всё будет хорошо.

Сынун мягко отстранился.

Заметив, как мгновенно застыло лицо собеседника, он поспешно пояснил:

— Не трогай пока. Мне кажется, я не до конца отмылся. Вот вернусь, приму нормальный душ, тогда...

Юй Цюся ничего не ответил, лишь молча ускорил шаг.

Сынун оглянулся на плетущихся позади спутников:

— К вам это тоже относится. Держитесь на расстоянии.

Пу Тяньбай лишь недовольно хмыкнул, а вот Хуа Тяньсяо, ведя себя как законченный идиот, попытался ухватить его за рукав. Сынун увернулся, заставив того покатиться со смеху.

— Ха-ха-ха! Братец Фан, вы так серьёзно об этом говорите, будто всё взаправду! Кстати, раз уж мы теперь в одной лодке... когда этот... ну, этот «мир» закончится, не согласитесь поработать со мной? Я просто без ума от ваших работ! Я попрошу своего агента связаться с вами...

У Сынуна задёргался глаз. Окинув парня нечитаемым взглядом, он выдавил лишь:

—... Просто береги себя.

Странная, пугающая взвинченность не отпускала Юй Цюся до самого вечера. Он лихорадочно метался по Белому городу, вступая в диалоги с каждым встречным обитателем этого места. Сынун видел, что тот находится на грани срыва, но поделать ничего не мог.

Не зная тонкостей правил этого зловещего пространства, он не мешал лидеру собирать крупницы информации. Сынун просто послушно шёл следом, напряжённо размышляя: умирать ему всё-таки не хотелось.

Пу Тяньбай тоже не терял времени даром, то и дело делясь своими догадками. Прислушиваясь к его словам, Сынун ловил себя на мысли, что его бывшее мнение о младшем товарище сильно устарело. В студенческие годы этот смазливый парень выезжал исключительно за счёт подвешенного языка и привлекательной внешности. На читках сценариев он умудрялся путать простейшие слова, а теперь внезапно рассуждал о деконструктивизме и театре жестокости Антонена Арто.

— Послушай, а что если все эти темы деторождения и убийств не стоит понимать буквально? — предположил Пу Тяньбай. — Возможно, это метафоры совсем других вещей. Скажем, рождение ребёнка символизирует какую-то заразу или удушающую депрессию, которая проникает в разум, а жестокое убийство — акт разрушения, посягательство на личность. Что, если нам подняться над ситуацией и взглянуть на неё под другим углом?

Подошедший к ним Юй Цюся, успевший уловить конец фразы, кивнул:

— Старый безумец мёртв, но «мир» так и не закрылся. Это подтверждает одно: он не ключевая фигура этой истории.

— Значит, всё закручено вокруг Ху Бая, — подхватил Сынун.

— Именно, — согласился Юй Цюся. — И если главным действующим лицом является он, нам нужно понять... Чего может хотеть мужчина, способный выносить дитя, да ещё и породивший на свет такого Монстра?

— Придушить ублюдка, который обрюхатил его и бросил? — вдруг вставил свои пять копеек Хуа Тяньсяо.

Все трое разом замолчали, уставившись на него с нескрываемым изумлением.

Хуа Тяньсяо растерянно захлопал ресницами:

— Эй, вы чего? Я сморозил глупость?

— Вовсе нет, — Сынун задумчиво потёр подбородок, опустив взгляд. — Знаешь... о таком повороте я даже не думал.

<http://bllate.org/book/20607/2132462>